

И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ В РЕГИОНЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ*

1. *Основание городов на Геллеспонте в ходе Великой греческой колонизации.*

В VIII–VII вв. до н.э. одним из основных направлений широко-масштабного колонизационного движения греков было, как хорошо известно, направление северо-восточное. В процессе колонизации, в частности, покрываются эллинскими городами побережья Геллеспонта (Дарданелльского пролива).

Приведем меткое замечание известного специалиста по древнегреческим колониям Э. Грехэма¹: в силу ряда факторов (близость к Балканской Греции, климатические условия) регион Черноморских проливов был, казалось бы, территорией, почти идеально подходящей для колонизации. Тем не менее реальное освоение эллинами этих земель шло достаточно медленно и далеко не столь «взрывообразно», как, например, колонизация Южной Италии и Сицилии, а позднее – побережий Боспора Киммерийского. Грехэм видит в этом подтверждение принципа, согласно которому маршруты греческого колонизационного движения определялись в большей степени политическими, а не географическими факторами.

Приведем вначале сводку обстоятельств основания важнейших городов на Геллеспонте (в алфавитном порядке)², чтобы затем, сопоставляя эти данные, можно было сделать наблюдения о характере процесса.

Абидос: «был основан милетянами с разрешения лидийского царя Гигеса, ибо эта местность и вся Трояда были ему подвластны» (*Strabo*

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 08-01-00080а «Великие проливы древней ойкумены: историко-географический, религиозно-мифологический, политико-экономический аспекты».

¹ *Graham A.J.* The Colonial Expansion of Greece // САН². 1982. Vol. 3. Pt. 3. P. 118.

² Сводка базируется в основном на следующих исследованиях: *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonization. N.Y., 1959. P. 109 ff.; *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960. P. 95 ss.; *Graham A.J.* The Colonial Expansion... P. 119 f., 160 ff.; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main, 1983. S. 32 ff.; *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 159 ff.; *Tsvetkova J.* Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit // *Thracia*. 2000. Vol. 13. S. 431–462; *Tsetsckhladze G., Hargrave J.* Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 392 слл.

XIII.590). Таким образом, метрополия города указана *expressis verbis*, равным образом дана и достаточно точная датировка: Гигес стал царем Лидии в первой половине 660-х гг. до н.э., а погиб около 645–643 гг. до н.э.³ Причем резоннее относить рассматриваемое событие ко второй половине его правления, нежели к первой, ибо вряд ли Гигес овладел Троадой моментально после своего прихода к власти. Таким образом, датирование основания Абидоса серединой VII в. до н.э., видимо, будет наиболее взвешенным. Интересно, что Абидос тем не менее упоминается у Гомера (II. II.836 – вместе с Сестом; II. XVII.584), и данный факт – лишнее свидетельство о том, насколько всё не просто с хронологией гомеровского эпоса, насколько легко встретить в нем интерполяции, сделанные позже VIII в. до н.э. – времени, когда, как традиционно считается, поэмы в основном обрели свой облик⁴.

Алопеконнес: «эолийский град» (*Ps.-Scymn.* 706). По выкладкам Б. Исаака⁵, был основан эолийцами с Лесбоса и из Кимы до середины VI в. до н.э. Город, строго говоря, нельзя считать вполне гелеспонтским, так как он лежит на западном берегу Херсонеса Фракийского. Однако ввиду большой узости этого полуострова на нем, в общем-то, не было поселений, которые находились бы вне всякой связи с проливом. Демосфен утверждает, что «Алопеконнес... был всегда нашим (афинским. – И.С.) владением» (XXIII.166). Но он, говоря «всегда», имеет в виду, безусловно, период, начинающийся с тех пор, как Херсонесом овладел Мильтиад Старший.

Кардия: основана Милетом и Клазоменами, позже имело место вторичное основание афинянами, в период правления Мильтиада на Херсонесе Фракийском (*Ps.-Scymn.* 699–702). Что же касается первого основания (а здесь нас интересует именно оно), нигде в источниках не обозначено его время, и ответственно датировать событие более точно, чем периодом Великой греческой колонизации, не представляется возможным. В связи с географическим положением Кардии (расположенной не на самом Гелеспонте, но неподалеку от него, на узком перешейке), смотри то, что было сказано выше в связи с Алопеконнесом. О важном стратегическом положении города на Херсонесе Фракийском ср. также: *Demosth.* XXIII.181–182.

Колоны: колония милетян (*Strabo* XIII.589). Время основания неизвестно. Колоны и соседний Пес находились между Лампсаком и Парием.

³ Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 157–158.

⁴ Впрочем, не столь давно была выдвинута точка зрения, согласно которой «Илиада» написана в Афинах в эпоху Солона (*Sauge A. "L'Iliade", poème athénien de l'époque de Solon.* Bern, 2000). Подобная идея, высказанная в столь категоричной форме, безусловно, являет собой досадную крайность. Тем не менее хорошо известно, что в Афинах и при Солоне, и при Писистрате велась работа над гомеровским эпосом, подразумевавшая в том числе и интерполяции. Об афинском же интересе к региону Гелеспонта, зафиксированном уже с конца VII в. до н.э., лишней раз напоминать не приходится.

⁵ *Isaac B. Op.cit.* P. 291.

Лампсак: основан фокейцами, как авторитетно свидетельствует ряд источников, в том числе уроженец города, один из первых античных историков Харон Лампсакский (FGrHist. 262. F7). В качестве даты основания в литературе фигурирует 654 г. до н.э.⁶ Об обстоятельствах основания известно мало достоверного; нам представляется возможным, что они были такими же, как у Абидоса или, во всяком случае, схожими. Правда, согласно легенде об основании Лампсака⁷, город будто бы был назван в честь туземной правительницы Лампсаки⁸, которая помогла колонистам-фокейцам обосноваться на новом месте. Однако перед нами достаточно спорный с точки зрения исторической достоверности эпизод; позволительно считать эту легенду образчиком ложной народной этимологии. Возможно, впрочем, что название города – догреческое, и, следовательно, до появления эллинов здесь существовало местное поселение. Страбон (XIII.589) приводит о Лампсаке еще некоторые данные, но они в сравнении со свидетельствами, восходящими к Харону, не создают впечатления достоверных: якобы город ранее именовался Питиуссой, а жители его – родом из Милета.

Лимны: «милетская колония» (*Ps.-Scymn.* 705). Время основания неизвестно. В связи с географическим положением города см. то, что сказано было выше об Алопеконнесе.

Мадит: основан лесбосцами (*Ps.-Scymn.* 709–710, упомянут вместе с более значительным Сестом). До появления греческой колонии, скорее всего, существовал как фракийское поселение. Во всяком случае, название города явно негреческое и, скорее всего, коррелирует с названием фракийского племени мадуатенов (*Liv.* XXXVIII.40.7). Вообще, многое из того, что будет ниже сказано о Сесте, относится и к Мадиту, в том числе и соображения относительно времени основания.

Парий: согласно Страбону (XIII.588), «был основан милетянами, эрифрейцами и паросцами». Таким образом, перед нами случай совместной колонизационной акции; можно полагать, что ведущая роль при этом принадлежала милетянам⁹. Название город, тем не менее, получил в честь другой своей метрополии – Пароса. Парий – самый северный геллеспонтский полис (он находился на азиатском берегу пролива в том месте, где тот уже начинает расширяться в Пропонтиду), тем не менее

⁶ *Bérard J.* Op.cit. P. 99; *Graham A.J.* The Colonial Expansion... P. 162.

⁷ По поводу легенд об основаниях греческих городов см. специальное исследование: *Schmid P.B.* Studien zu griechischen Ktisissagen. Diss. Freiburg, 1947. См. также работу, в которой оспаривается популярный тезис, согласно которому в архаической Греции имелся такой литературный жанр, как легенды об основаниях городов: *Dougherty C.* Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion // *JHS.* 1994. Vol. 114. P. 35–46.

⁸ На это делается чрезмерный, на наш взгляд, акцент в работе: *Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum.* 1985. Vol. 63. P. 117–119.

⁹ К вопросу о метрополиях Пария см.: *Forrest W.G.* Colonisation and the Rise of Delphi // *Historia.* 1957. Bd. 6. Ht. 2. S. 170.

является, согласно традиции, едва ли не наиболее ранней греческой колонией здесь: его основание относят к 709 г. до н.э.¹⁰

Пес (о положении города см. то, что было сказано в связи с Колонами): по словам Страбона (XIII.589), город был колонией милетян. Однако поскольку именно в этом месте у географа содержится ошибочная милетская атрибуция греческой колонии в Лампсаке, то, соответственно, неизвестно, можно ли ему доверять и относительно Песа. Во всяком случае, этот городок упоминается уже у Гомера (II. V.612; возможно, также II. II.828 – Апес), что, кстати, является единственным косвенным указанием (причем расплывчатым) на время появления поселения.

Сест: основан лесбосцами (*Ps.-Scymn.* 709–710). Точная датировка основания отсутствует; Б. Исаак осторожно относит его ко времени до середины VI в. до н.э.¹¹ Думаем, что можно говорить и о несколько более ранней эпохе (VII в. до н.э.) и приурочивать возникновение греческого города здесь примерно к тому же времени, что и появление Абидоса на противоположном берегу. Вероятно, на месте Сеста ранее находилось фракийское поселение с тем же названием. Сест упоминается уже Гомером (II. II.836), но см. по этому поводу то, что было сказано выше в связи с Абидосом.

Сигей: основан эолийцами (лесбосцами?) не позднее VII в. до н.э. В конце этого столетия становится главным объектом афинских притязаний на Геллеспонте; туда высылается из Афин колонизационная экспедиция во главе с олимпийником Фриноном. На этом хорошо известном факте, равно как и на борьбе за город, которая развернулась между митиленянами и афинянами и завершилась победой последних, мы здесь специально не останавливаемся¹².

Элеунт: основан афинянами (*Ps.-Scymn.* 707–708). В качестве ойкиста у Псевдо-Скимна назван некий Форбоон. Такого имени не существует, и, по согласному мнению исследователей, следует говорить об искажении переписчиками имени Фринона – того самого, который основал Сигей. Таким образом, этот лидер экспедиции обосновался также и на противоположном берегу пролива. Иными словами, основание Элеунта следует относить к концу VII в. до н.э. Приведем важное свидетельство Страбона (VII fr. 51): «далее, в заливе, Элеунт, где находится святилище Протесилая, а против него в 40 стадиях – Сигей, мыс Трояды». Таким образом, создание Фриноном своих двух баз именно в Сигее и Элеунте не случайно – эти пункты находились как раз напротив друг друга.

Не говорим здесь о некоторых небольших городках Херсонеса Фракийского (таких, как Крифота, Пактия и др.), основанных Мильтиадам в VI в. до н.э., поскольку это относится уже к тому этапу ос-

¹⁰ *Graham A.J.* The Colonial Expansion... P. 162.

¹¹ *Isaac B.* Op.cit. P. 291.

¹² Подробнее см. в другой нашей работе: *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 20–48.

воения побережий Геллеспонта и контроля над проливом, который можно назвать афинским. А пока обобщим приведенные данные.

Сразу бросается в глаза сосуществование в рассматриваемом регионе апойкий, выведенных эолийскими и ионийскими центрами. Иногда говорят в связи с этим о двух «волнах» колонизации Геллеспонта – эолийской и ионийской, из которых первая предшествовала, а вторая следовала за ней. В целом какое-то зерно истины в этом есть, однако, вряд ли стоит формулировать данный взгляд в чрезмерно категоричной форме, поскольку и ионийские колонии начинают появляться на Геллеспонте весьма рано, в VIII в. до н.э. (Парий), и эолийские поселения продолжают основываться до достаточно позднего времени, как минимум до VII в. до н.э. Иными словами, «волны», во всяком случае, накладываются друг на друга.

Можно ли уловить какую-то систему в географическом расположении эолийских и ионийских колоний в регионе? Пожалуй, можно¹³. На обоих берегах Геллеспонта эолийцы обосновываются южнее, а ионийцы – севернее. На азиатском побережье выходцы из эолийских полисов осваивают Троаду (укажем в данной связи, что и греческая Троя, возникшая в VIII в. до н.э., была эолийской), что вполне естественно, поскольку эта область фактически примыкала к Эолиде в собственном смысле слова. Но севернее Сигея, в Геллеспонтской Фригии, встречаем исключительно ионийские поселения (Абидос, Колоны, Пес, Парий), в основном милетские (за исключением фокейского Лампсак). Аналогичная картина и на Херсонесе Фракийском: Мадит, Сест, Алопеконнес – эолийские колонии (преимущественно лесбосские), а расположенные севернее Лимны и Кардия – ионийские (милетские). Афинский Элеунт на крайнем юге полуострова как бы вклинивается чуждым элементом в эту довольно стройную систему, становясь, по сути, предвозвестником нового этапа в истории Херсонеса, протекавшего «под знаком Афин».

Разумеется, мы можем только гадать, каким образом эолийцы и ионийцы распределяли между собой геллеспонтские территории. Можно ли говорить о каком-то рациональном факторе, о договоренностях по разделу «сфер интересов»? Или же всё происходило стихийно: милетяне и их сородичи просто приходили туда, где еще не обосновались эолийцы? Во всяком случае, система распределения колоний все-таки побуждает говорить скорее о кооперации, чем о соперничестве.

При этом есть все основания с достаточной долей уверенности констатировать существенное различие в характере эолийской и ионийской колонизации Геллеспонта. Эолийцев, насколько можно судить, земли на берегах пролива интересовали сами по себе, то есть их колонизация имела вполне аграрный характер. Ионийская же колонизация здесь, как и в других местах, была феноменом более сложным,

¹³ См. интересные наброски: *Myres J.L. The Colonial Expansion of Greece // САН. 1929. Vol. 3. P. 657 ff.; Graham A.J. The Colonial Expansion... P. 118 ff.*

комплексным и многогранным. В ней изначально, насколько можно судить, присутствовал мотив освоения морского пути в Понт.

Разумеется, никак нельзя утверждать, что этот мотив был единственным. Иначе не появились бы милетские поселения в Кардии и Лимнах, которые выходят не на геллеспонтский, а на противоположный берег Херсонеса Фракийского. Но тем не менее всё же вряд ли можно трактовать появление ионийских колоний на Геллеспонте вне всякой связи с понтийским маршрутом. О его важности для Милета уже в начальный период Великой греческой колонизации свидетельствует тот факт, что Кизик в Пропонтиде (а в нее плыли, естественно, через Геллеспонт) впервые был основан милетянами весьма рано – в середине VIII в. до н.э. Более того, традиция, относящая к тому же столетию возникновение Синопы в Южном Понте (тоже милетской апойкии), признается ныне достоверной¹⁴.

Как бы то ни было, если Геллеспонт уже в архаическую эпоху использовался элинами в качестве морского пути (в чем, как видим, нет оснований сомневаться), это предполагает их попытки установить более или менее эффективный контроль над проливом с целью обеспечения безопасности плавания. Некоторые факты должны быть интерпретированы именно в этом смысле. Имеем в виду, прежде всего, основание Сеста и Абидоса напротив друг друга, причем в одной из самых узких теснин Геллеспонта. Мы не знаем в точности, какой из двух центров появился раньше и какой хронологический промежуток разделяет их колонизацию. Отметим только, что метрополии этих колоний разные – соответственно Лесбос и Милет, – но выше мы высказали мысль о возможной согласованности, скоординированности их действий.

Следующий пассаж Страбона (XII.565) очерчивает, – впрочем, довольно схематично – историю потестарных отношений на азиатском берегу Геллеспонта: «...В разные времена эти племена находились под властью разных правителей, причем одни властители объединяли их, другие же дробили на части. Действительно, после взятия Трои над ними господствовали фригийцы и мисийцы; позднее – лидийцы, после них эолийцы и ионийцы, потом персы и македоняне и наконец римляне».

Итак, здесь говорится о первоначальном преобладании фракийских племен¹⁵, потом – об эолийско-ионийском освоении региона, которое рассматривалось только что. В промежутке Страбон помещает период лидийского контроля. В связи с этим последним необходимо сказать следующее.

Как упоминалось выше, Абидос – один из ключевых пунктов на Геллеспонте – был основан милетянами с позволения Гигеса, первого

¹⁴ *Drews R. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. Vol. 96. P. 18–31; Иванчик А.И. Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ. 2001. № 1. С. 139–153.*

¹⁵ О нем см.: *Akurgal E. Recherches faites à Syzique et à Ergili (au sujet de la date de l'expansion ionienne) // Anatolia. 1956. Vol. 1. P. 16.*

лидийского царя из династии Мермнадов¹⁶. Иными словами, регион тогда принадлежал Лидии¹⁷; однако, надо полагать, в тот раз он попал в ее состав ненадолго. Напомним о вторжении киммерийцев, под натиском которых едва устояло само Лидийское царство, сильно уменьшившись в размерах. Повторное обладание азиатским берегом Геллеспонта было обретено, вероятно, уже в царствование Алиатта. В любом случае, такое обладание еще не означало для Лидии контроля над проливом, поскольку это государство не имело флота (*Hdt.* I.27).

Правда, последний лидийский владыка Крез, возможно, вынашивал планы сделать подвластным себе и европейский берег Геллеспонта, превратить в свой форпост там Херсонес Фракийский: оказав покровительство тогдашнему правителю полуострова Мильтиаду Старшему, он фактически обрел в нем вассала¹⁸. Но это происходило уже в контексте «афинского» периода борьбы за Геллеспонт, к которому мы в данной статье не обращаемся. А пока отметим, что процитированное чуть выше место из Страбона содержит в себе, как выясняется, некоторую неточность. Нельзя говорить об отдельных лидийском и эолийско-ионийском периодах истории пригеллеспонтского региона. Присутствие там лидийцев и эллинов в действительности хронологически накладывается друг на друга. Превалирующей оказывается то одна, то другая сторона: при Гигесе и, начиная с Алиатта, этой превалирующей стороной являются лидийцы, в промежуточный же период, в обстановке «киммерийского хаоса», – очевидно, греки.

2. К интерпретации хлебных символов на монетах греческих городов зоны Черноморских проливов.

Отправной точкой (точнее, если можно так выразиться, «точкой отталкивания») для данной заметки послужили некоторые положения интересной статьи видного отечественного специалиста по античной нумизматике М.Г. Абрамзона¹⁹. В ней автор разбирает изображение символики, связанной с хлебом (зерен, колосьев и т.п.) как на греческом, так и на римском материале, привлекает широкий спектр данных и в конце концов приходит к следующему выводу: «...Во все эпохи, в любом случае, символы хлебного производства и торговли изображались на монетах только тех полисов и стран, которые являлись либо традиционными центрами сбыта зерна на рынки ойкумены, либо центрами культов, связанных с земледелием»²⁰. Не беремся судить,

¹⁶ О контексте события ср.: *Graham A.J. Patterns in Early Greek Colonisation // JHS. 1971. Vol. 91. P. 41; Суриков И.Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 65.*

¹⁷ *Roebuck C. Op. cit. P. 51.*

¹⁸ *Суриков И.Е. Черноморское эхо... С. 65–66.*

¹⁹ *Абрамзон М.Г. Хлебная торговля и ее символы на античных монетах (по поводу «коммерческой теории» В. Риджвэя) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 77–89.*

²⁰ Там же. С. 85.

насколько этот тезис подтверждается римскими монетами; вполне возможно, что так оно и есть. Однако в том, что касается монет греческого мира, как нам представляется, ответственный тезис М.Г. Абрамзона выглядит чрезмерно категоричным, подтверждающимся не всюду и не всегда – не «во все эпохи» и не «в любом случае».

Для обоснования своей идеи исследователь, как нами уже было отмечено, приводит достаточно обширный нумизматический материал, который в ряде случаев выглядит вполне бесспорным. Скажем, всем прекрасно известные монеты Метапонта в Южной Италии²¹, начиная еще с поздней архаики несут великолепное изображение колоса. На некоторых монетах Сиракуз и других городов Сицилии колосья и/или зерна присутствуют в качестве дополнительных элементов.

Другой аналогичный пример – чеканки полисов Северного Причерноморья. Здесь можно указать (как и делает М.Г. Абрамзон) нумизматические памятники как из Пантикапея, так и из других городов Боспора – Фанагории, Синдики²², – а также Ольвии и Тиры. Здесь мы встречаем изображения и зерна, и колоса, и плуга, и венка из колосьев. И не возникает никакого сомнения, что всю эту хлебную символику напрямую следует ассоциировать прежде всего с производством и экспортом хлеба, поскольку оба вышеназванных региона – и Великая Греция (включая в данном контексте в это понятие и Южную Италию, и Сицилию), и Северное Причерноморье, – по вполне солидарному в историографии и совершенно верному мнению, действительно принадлежали к числу важнейших житниц всего античного мира²³.

Однако наряду с этими, повторим, совершенно очевидными примерами, М.Г. Абрамзон при обосновании своего вышеуказанного тезиса оперирует также и иными данными, которые, на наш взгляд, в ряде случаев позволяют и существенно иную, возможно, более вероятную интерпретацию. Имеем в виду античные монеты полисов, располагавшихся в зоне Черноморских проливов (будем обозначать так совокупность Геллеспонта, Пропонтиды и Боспора Фракийского). В статье М.Г. Абрамзона приведен довольно обильный и репрезентативный материал; имеет смысл вкратце перечислить и охарактеризовать интересующие нас памятники. Подчеркнем, что в датировках рассматриваемых монет мы повсюду будем следовать М.Г. Абрамзону,

²¹ См. о них хотя бы в фундаментальном труде: *Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 162 ff.

²² Не можем здесь вдаваться в чрезвычайно дискуссионный вопрос о так называемых «синдских» монетах, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной тематики статьи. Просто обозначим вкратце свою позицию, без специальной аргументации: по нашему мнению, монеты, о которых идет речь, чеканены гражданской общиной греческого полиса, а не Синдским царством.

²³ Пожалуй, важнейшая в мировой историографии на сегодняшний день работа по рассматриваемой проблематике в целом – это: *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambr., 1989. В монографии Гарнси немало неортодоксальных, даже провокационно-«еретических» мыслей. Однако же и он не отрицает важности указанных регионов как хлебных житниц.

поскольку нет возможности в рамках крайней заметки касаться подробно этого вопроса, а к тому же считаем эти традиционные датировки в целом близкими к истине. Расхождение наше, как уже отмечалось, лежит не в хронологической, а в интерпретативно-контекстуальной сфере.

Монеты Херсонеса Фракийского (480–350 гг. до н.э.) несут изображение зерна²⁴. Аналогичное изображение – на монетах херсонесского города Кардии (350–309 гг. до н.э.)²⁵, а на монетах Алопеконнеса, еще одного полиса на том же полуострове (300–250 гг. до н.э.), – изображение лисы и пшеничного колоса²⁶. Отметим в данной связи, что лиса (ἀλώπηξ) здесь, несомненно, символизирует название города (переводящееся дословно как «Лисий остров»), но нас интересует, естественно, именно колос.

Обратимся, далее, к городам восточного побережья проливов. В таком крупном центре, как Калхедон (Халкедон) встречаем драхму с изображением колоса (400–350 гг. до н.э.)²⁷. Не менее знаменитый Кизик имел на монетах IV–II вв. до н.э.²⁸ на аверсе венки из колосьев на голове почитавшейся в городе Коры-Персефоны, на реверсе же – колос в качестве дополнительного элемента. На монетах Абидоса зафиксировано пшеничное зерно²⁹, на монетах Пария (II в. до н.э.) – пшеничный колос³⁰. В перечне, который мы приводим, фигурирует ряд городов Трояды. В их числе – сам греческий Илион (монеты с Афиной и колосом)³¹, а также Дардан (IV в. до н.э., пшеничный колос)³², Асс (IV в. до н.э., колос)³³, Неандрия (изображение зерна)³⁴.

Итак, материал действительно обширный и, можно даже сказать, впечатляющий. Пожалуй, немного найдется таких регионов античного мира, в которых на полисных монетах столь часто, чтобы не сказать настойчиво, повторяются мотивы, связанные с хлебом. Но главный вопрос, к которому мы именно теперь-то и обращаемся, заключается в том, как объяснить этот феномен. Сам М.Г. Абрамзон приводит им данные комментирует вполне однозначно. По поводу монет Херсонеса Фракийского: «Земли Херсонеса Фракийского издревле славились высокими урожаями зерновых культур, что провоцировало повышенный к этому региону интерес Афин и Спарты»³⁵. Схожее объяснение – и в связи с монетами городов азиатского побережья Черноморских проливов»: «Чеканка полисов малоазийского побережья Гел-

²⁴ Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 82, а также с. 90. Табл. 1, 15.

²⁵ Там же. С. 82, 90. Табл. 1, 14.

²⁶ Там же. С. 82 (иллюстрации нет).

²⁷ Там же. С. 80, 90. Табл. 1, 10.

²⁸ Там же. С. 82 (иллюстрации нет).

²⁹ Там же. С. 82 (иллюстрации нет).

³⁰ Там же. С. 82 (иллюстрации нет).

³¹ Там же. С. 83 (иллюстрации нет).

³² Там же. С. 82 (иллюстрации нет).

³³ Там же. С. 83 (иллюстрации нет).

³⁴ Там же. С. 83 (иллюстрации нет).

³⁵ Там же. С. 82.

леспонта и Пропонтиды также показывает, что экономика региона основывалась на земледелии и торговле зерном»³⁶. Таковы, повторим, принципиальные тезисы М.Г. Абрамзона, однако, они, на наш взгляд, нуждаются в определенной корректировке.

Прежде всего, хотя прибрежные регионы Черноморских проливов – будь то берег европейский или азиатский – и описываются в источниках как местности довольно плодородные, но степень этого плодородия всё же не следует преувеличивать: рассматриваемая область никогда не входила в число местностей, являвшихся важнейшими производителями и экспортерами зерна в античном мире. Статус «всеобщей житницы», в отличие от той же Сицилии, или Северного Причерноморья, или Египта она никоим образом не имела – это можно утверждать со всей ответственностью. Там отсутствовало главное условие для по-настоящему широкомасштабного, ориентированного на экспорт земледелия – практически не было обширных равнин с хорошей почвой, обильно орошаемых пресными водами.

Естественно, хлеб в регионе Черноморских проливов выращивался, с чем тоже никак нельзя спорить. Но получали его вряд ли в таких масштабах, которые могли бы позволить вывоз, тем более в значительных размерах. Соответственно, греческие города данной зоны, даже в совокупности, не могли претендовать на положение крупнейших агентов на античном зерновом рынке. А между тем обилие хлебной эмблематики на их монетах все-таки настолько велико, что не может не броситься в глаза. С чем-то оно должно ведь быть связано? А объяснение, предлагаемое М.Г. Абрамзоном, как видим, не представляется предельно убедительным, в нем есть элементы упрощения; соответственно, есть смысл подумать об альтернативных причинах.

Какого рода они могли быть? Для отдельных частных случаев, разумеется, можно резонно постулировать связь хлебной символики на тех или иных монетах с важными земледельческими культами. Именно таков упоминавшийся выше пример Кизика – города, в котором играл значительную роль культ Деметры и Коры, хтонических земледельческих божеств. Но такая связь, подчеркиваем, объясняет и обуславливает только данный конкретный случай. Если бы монеты с хлебной символикой в регионе фиксировались только в Кизике, то проблему можно было бы считать решенной. Однако, напомним, кроме Кизика речь шла и о Калхедоне, и об Абидосе, и о целом ряде других городов, в которых аналогичной ситуации не было. Какова же могла бы быть интерпретация рассматриваемых изображений, которая непротиворечиво истолковала бы все вышеупомянутые реалии, а не только какие-то из них?

Здесь неизбежно приходится выйти на общий историко-географический аспект проблемы. М.Г. Абрамзон совершенно прав, когда говорит о повышенном интересе Афин к зоне Черноморских

³⁶ Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 82.

проливов³⁷; он, правда, упоминает в этой связи еще и Спарту, но спартанское вовлечение в этот регион – отдельный вопрос. Оно было, во-первых, поздним, а во-вторых (и самое главное) – вторичным, производным от афинского. Сама по себе Спарта с экономической точки зрения не испытывала в классическую эпоху серьезной нужды в привозном хлебе. С точки зрения природных ресурсов, в том числе и хлебных, она была, пожалуй, самым богатым греческим полисом³⁸. Ее территория располагалась на относительно обширных и плодородных равнинах Лаконики и Мессении, и Спарта являлась тем полисом, который в древнегреческой истории в наибольшей степени приближался (разумеется, в отдельные эпохи своего существования) к идеалу автаркии – хозяйственной самодостаточности, независимости от импорта товаров, в том числе и продуктов питания, извне.

Афины же действительно проявляли нескрываемый интерес к региону Геллеспонта, Пропонтиды, Боспора Фракийского, причем уже начиная с весьма раннего времени. Уже в архаическую эпоху, в конце VII в. до н.э., афиняне пытались вывести свою колонию в Сигей в Троаде, направив туда экспедицию. Тогда им это не удалось, но в VI в. до н.э. афинский тиран Писистрат овладел-таки Сигеем, сделав его (если употребить выражение, взятое из другого исторического периода) «доменом» своего рода. В конце VI – начале V в. до н.э. эти земли находятся под контролем ахеменидской Персии, но уже сразу после разгрома Ксеркса в 480–479 гг. до н.э. афинские суда направляются к побережьям Черноморских проливов. Там ведутся успешные военные действия, и в достаточно недолгом времени полисы «проливной» зоны полностью подпадают под афинское влияние, становятся членами Делосского союза, перерастающего затем в Афинскую архэ. То, что мы сейчас излагаем, – общеизвестные аксиомы, вряд ли нуждающиеся даже в каких-либо ссылаках.

Чем же была вызвана эта бесспорная заинтересованность Афин в рассматриваемом регионе? И на этот вопрос можно ответить вполне однозначно. Афинский интерес обуславливался не плодородием и процветанием земледелия в самой зоне Черноморских проливов, а тем, что она была «ключом к Понту», «хлебным путем», по которому осуществлялось снабжение афинского полиса (да и не только его, естественно) северопричерноморским зерном, в первую очередь с Боспора Киммерийского. Именно этот «хлебный путь» старались Афины

³⁷ Ср., в частности: *Касаткина Н.А.* Афинское поселение в Херсонесе Фракийском (VI в. до н.э.) // Из истории античного общества. 1986. Вып. 5. С. 39–50; она же. Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 56–65; *Hammond N.G.L.* The Philaids and the Chersonese // *CQ*. 1956. Vol. 6. No. 3/4. P. 113–129; *Rubel A.* Helle-spontophylakes – Zöllner am Bosphoros? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG I³ 61) // *Klio*. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.

³⁸ *Андреев Ю.В.* Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза. М., 1995. С. 11; *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 212.

держат под контролем, когда они имели такую возможность. Прекрасно известно из самых разных источников о крупномасштабной боспоро-афинской хлебной торговле в IV в. до н.э. Для V в. до н.э. источниковых данных такого рода по ряду причин гораздо меньше, но нет оснований предполагать, что и в «Перилов век» проблема привозного хлеба, потребность демоса в этом основном продукте питания в Афинах была менее острой. В V в. до н.э., до опустошений Пелопоннесской войны, население Аттики было, бесспорно, больше, чем в следующем столетии³⁹, а, с другой стороны, по-настоящему высокоразвитая инфраструктура аттической хоры, позволявшая получать более высокие урожаи «дома», до IV в. до н.э. еще не начала создаваться⁴⁰.

В качестве следствия всего вышеобозначенного можно указать постоянно расширявшееся проникновение Афин в Понт через зону Черноморских проливов (яркой иллюстрацией чего служит, например, знаменитая понтийская экспедиция Перикла, датируемая обычно временем около 437 г. до н.э.⁴¹). К моменту начала Пелопоннесской войны все города в регионе проливов входили в Афинскую архэ, вносили форос, причем некоторые из них – значительные суммы, следовательно, были богатыми и процветали⁴². На последнем этапе войны, когда Архэ начала распадаться и форос перестал поступать в Афины, те установили на Боспоре Фракийском таможенный пункт, взимая пятипроцентную пошлину с кораблей, идущих с товаром проливами из Понта, – и даже это существенно поправило афинские финансы,

³⁹ См. соответствующие выкладки (со ссылками на предшествующую литературу и некоторыми нашими собственными подсчетами): *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 473–486.

⁴⁰ *Lohmann H.* Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 515–548.

⁴¹ В связи с этой внешнеполитической акцией можем по-прежнему сослаться на наши работы: *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114; *Surikov I.E.* Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7. No. 3/4. P. 341–366. Написаны они были довольно давно; тем не менее основных высказанных там положений мы придерживаемся и по сей день (исключая некоторые частные корректировки, см., например: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413).

⁴² Эмпирические данные по раскладке фороса свидетельствуют, что, за исключением отдельных, легко объяснимых случаев (как чудовищная подать, взваленная на Эгину из соображений мести), в целом форос, взимаемый с полиса, находился в рациональном соответствии с ресурсами этого полиса: *Nixon L., Price S.* The Size and Resources of Greek Cities // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 137–170. Литература о форосе воистину неисчерпаема, начиная со знаменитого ATL (*Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. 1–4. Princeton, 1939–1953), но хотелось бы специально приветствовать появление в отечественной историографии работы, в которой эти вопросы трактуются на современном уровне: *Макарова О.М.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009.

едва ли не компенсировав потерю фороса. Уже из данного факта видно, насколько интенсивной была транзитная морская торговля через проливы⁴³.

Для самих городов зоны проливов причастность к этому транзиту зерна в Эгеиду из Понта Евксинского являлась, конечно, важным источником благосостояния, – не исключаем, даже главным, тем «стержнем», на котором в значительной мере зиждилась их экономика. Вне сомнения, это не могло не осознаваться и самим населением полисов. На наш взгляд, именно так и следует объяснять появление в изобилии хлебной символики на монетах городов, о которых идет речь.

Следует обратить внимание еще вот на какое обстоятельство. Исходя из традиционных (и, как мы отмечали, в целом верных) датировок, значительная, если не бо́льшая, часть рассматриваемых хлебных символов на монетах полисов зоны Черноморских проливов относится к IV в. до н.э., а если конкретизировать – ко второй половине этого столетия. Полагаем, это что-то да означает. В связи с данным нюансом мы попытались бы предложить гипотезу о тех конкретных обстоятельствах, при которых это обилие хлебных символов на нумизматических памятниках городов региона вдруг возымело место. Категорично настаивать на высказываемом далее предположении (краткое изложение которого мы сознательно отложили до самого конца статьи) мы отнюдь не будем, – уже в силу того, что точные абсолютные датировки монет (в том числе, разумеется, и тех, о которых идет речь) – вещь достаточно условная. В действительности, как известно, датировки «плывут» и могут серьезно колебаться. Но если исходить из хронологии наиболее традиционной и общепринятой, то ситуация, как нам представляется, могла развиваться следующим образом.

После поражения Афин в Пелопоннесской войне и их временного ослабления⁴⁴ гегемоном Эллады, как известно, стала Спарта, некоторое время осуществлявшая контроль и над зоной Черноморских проливов (напомним, что и судьба войны была решена в Геллеспонте, при Эгоспотамах). В 388 г. до н.э., в ходе Коринфской войны, Спарта сделала этот свой контроль особенно прочным, укрепившись в Абидосе и Сесте и закрыв движение судов по Геллеспонту (*Xen. Hell. V.1.28*)⁴⁵.

Однако надолго спартамцам не удалось удержать прочное и надежное влияние в регионе, да не особенно-то оно и нужно было само-

⁴³ Не прерывавшаяся, следует сказать, даже в самые острые моменты греко-персидских войн, в 480 г. до н.э. См. в связи с этим: *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 255 слл.

⁴⁴ О плачевных итогах Пелопоннесской войны для Афин см.: *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L.; Sydney, 1986; *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Stuttgart; Leipzig, 1998; *Spielvogel J.* Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v.Chr. Frankfurt am Main, 2001.

⁴⁵ *Garnsey P.* Op. cit. P. 134. О спартанских операциях в Геллеспонте в период Коринфской войны см. также: *Graefe F.* Die Operationen des Antialkidas im Hellespont // *Klio.* 1935. Bd. 28. S. 262–270.

му спартанскому полису, переживавшему всё более серьезные внутренние трудности⁴⁶. Поэтому Спарта довольно скоро де-факто отказалась от реального преобладания в проливах, и оно возымело тенденцию вновь перетекать к Афинам, создавшим Второй Афинский морской союз⁴⁷.

В ходе так называемой Союзнической войны 357–355 гг. до н.э., в которой против Афин боролись, в числе прочих прежних союзников, и некоторые города зоны Черноморских проливов, Второй Афинский морской союз если и не распался формально, то фактически в определенной степени стал фикцией (опять же хорошо известный, хрестоматийный факт). В результате получилось так, что впервые за весьма долгий период полисы региона в полном смысле слова оказались предоставлены сами себе. И какое-то время не было силы, которая могла бы безоговорочно рассчитывать на гегемонию в этой стратегически важной зоне.

Ни Афины, ни тем более Спарта, только что утратившая Мессению, ни Фивы, недавно построившие впервые в своей истории сильный военный флот, но так-таки и не ставшие весомой силой на море, ни Македония Филиппа II, еще только начинавшая набирать грядущую мощь, ни фракийские царьки, ни персидские сатрапы, – словом, никто не мог в регионе чувствовать себя надежно. Подчеркнем, речь идет о хронологическом отрезке достаточно кратком – но все-таки имевшем место. На его протяжении шла острая конкуренция, спектр борющихся сил стал весьма широким, без какого-то преобладающего лидера. И если кто-либо получал выгоды от этого установившегося хаоса, то это были как раз сами полисы зоны проливов. Теперь они, большие и малые, могли позволить себе попытаться повысить собственную роль, не опасаясь, что некая заведомо сильнейшая держава их тут же за это «прижмет»: время было такое, что всем приходилось лавировать и избегать дерзких акций.

Выскажем в осторожной форме мысль, что в рассматриваемый краткий период в зоне Черноморских проливов реализовалось в миниатюре некое подобие «доктрины Монро»: регион и, в частности, неизбежную транзитную хлебную торговлю в нем контролировали сами полисы региона, а не кто иной, то есть не какая-либо сила извне. Насколько можно судить, в это время сами города зоны проливов (по крайней мере, те из их числа, которые были достаточно значительными) могли порой даже самостоятельно решать вопрос о направлении и распределении хлебного транзита. Могли, в конечном счете, просто закрыть проливы, и вряд ли кто-нибудь мог реально помешать им это сделать. Так что даже Афины в стратегически важном вопросе (а в IV в. до н.э. вопрос о понтийском хлебе был для них, безусловно, стра-

⁴⁶ См. в связи с этими трудностями: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // ПИФК. 2002. Вып. 13. С. 5–21.*

⁴⁷ В изложении дальнейших событий в значительной степени опираемся на данные весьма скрупулезного исследования: *Heskel J. The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997.*

тегически важным) были в известной мере поставлены в зависимость от не столь уж крупных и сильных «проливных» полисов.

Подобное положение, как нам представляется, и могло быть зафиксировано внезапно и массивно появившимися хлебными символами в монетном деле этих городов. Подчеркиваем: предложенный и обрисованный здесь нами конкретный исторический контекст имеет сугубо гипотетический характер. Настаивать на этой гипотезе никак нельзя, хотя, считаем, она имеет право на существование⁴⁸. В любом случае – повторим в заключение наш ключевой тезис – изображения на монетах, которые здесь рассматривались, имели отношение в большей степени все-таки не к производству и экспорту зерна, а к его транзиту через Черноморские проливы.

I.E. Surikov

ON SOME PROBLEMS OF HISTORY OF ANCIENT GREEK CITIES IN THE REGION OF THE BLACK SEA STRAITS

The paper consists of two notes. The first is devoted to foundation of cities on the Hellespont Strait in course of the Archaic Greek colonization. After considering facts connected with dates (when known) and circumstances of foundations, the author offers some thoughts on the character of the process. He examines correlation and specificity of Aeolian and Ionian colonization in the region. If the Aeolians were interested first of all in the lands near the strait, the Ionian colonization here, as elsewhere, was a more complex phenomenon. It from the very beginning included the motive of naval penetration to the Euxine.

The other note attempts to interpret abundance of representations connected with grain on coins of Greek cities of the Straits area. Despite an existing opinion (M.G. Abramzon), these representations, unlike similar ones in Magna Graecia and Northern Black Sea shore, bear relation not so to producing and exporting grain as to its transit trade from the Euxine to the Aegean through the Straits.

⁴⁸ Кстати, если она несет в себе какое-то зерно истины, то это могло бы способствовать уточнению датировок ряда монет региона, для многих из которых существующие датировки представляются чрезмерно широкими и расплывчатыми.